

СКОТОБОЙНЯ

ДАРЬЯ КОРЯКИНА

18+

Дарья Корякина
СКОТОВОЙНЯ
Серия «Психологический
роман», книга 2

<https://litres.ru/73798699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завораживающая своей холодной красотой нуар новелла о гениальном маньяке, который убивает... зачем?

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дарья Корякина

СКОТОБОЙНЯ

*«Бойня — это место,
где скот превращается в пищу.
Человек — не скот.
Или всё же?»*

ПРОЛОГ

ЭКСПОЗИЦИЯ

Следователь Михаил Рогов увидел это в 4:17 утра, и первое, что он подумал, было странным: как чисто.

Не в смысле отсутствия следов. Следов хватало. Но всё — каждое пятно, каждый предмет, каждый угол пространства — было организовано с такой тщательностью, что слово «преступление» казалось неуместным. Правильнее было бы сказать: инсталляция.

Склад в промышленном районе на северо-западе города. Бетонные стены. Высокий потолок с крюками для мясных туш — здесь когда-то было производство. Единственное окно — забелённое, но с тонкой полосой чёрного неба поверх. Четыре часа утра, апрель, звёзды.

На крюке висело то, что прежде было человеком по имени Виталий Кошкин, сорок семь лет, руководитель отдела кредитования в крупном банке, известный в своём подъезде тем, что однажды убил чужую кошку — намеренно, ме-

тодично, ногой — и обсуждал это с соседями с лёгким удовольствием.

Рогов остановился у входа и надел перчатки.

То, что висело на крюке, было обработано профессионально. Туловище очищено от конечностей с хирургической точностью — разрезы по суставным сочленениям, ни одного зазубренного края. Левая и правая руки уложены на специально принесённый столик — складной, кухонный, из нержавеющей стали, на котором стояла также маленькая карточка с текстом, написанным от руки тонким чёрным маркером:

«Musculus flexor digitorum profundus.

Musculus flexor carpi radialis.

Musculus palmaris longus.

Эти мышцы позволяли ему сжимать кулак.

Он сжимал его неправильно».

Ноги — отпиленные, но не разбросанные, а поставленные рядом, как ботинки у входа, параллельно друг другу, аккуратно.

Голова оставалась на туловище.

Лицо выражало не ужас — Рогов ожидал ужаса — а нечто

похожее на изумление. Как будто человек по имени Виталий Кошкин в последний момент своей жизни понял что-то важное и не успел решить, хорошая это новость или плохая.

На стене — мелом, аккуратным почерком — было написано:

«Sirius: 8,6 световых лет. Масса: 2,063 M_{\odot} .
Температура поверхности: 9 940 К.

Arcturus: 36,7 световых лет. Масса: 1,08 M_{\odot} .

Он никогда не смотрел на звёзды. Это было его главной ошибкой».

Рогов долго стоял посреди этого и думал: кто-то провёл здесь несколько часов. Работал. С инструментами, с мелом, с карточками. В абсолютном одиночестве. И не торопился.

Это было первым из того, что впоследствии назовут «Делом Скотобойни».

Рогов этого ещё не знал.

Но он уже чувствовал — без слов, кожей — что этот человек придёт снова.

И снова.

И снова.

И что найти его будет очень сложно — не потому что он прячется, а потому что он совершенно спокоен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ

I

Дом стоял за городом на двадцати сотках земли с соснами, и если смотреть на него с дороги — а дорога была узкая, гравийная, почти скрытая от посторонних глаз, — он казался обычным загородным особняком богатого человека. Три этажа, тёмный клинкерный кирпич, узкие окна с тонированными стёклами, ворота из кованого металла с рисунком, который при ближайшем рассмотрении оказывался схемой кровеносной системы человека — артериальная сеть в нержавеющей стали, изящная и симметричная.

Виктор Лангер купил этот дом четырнадцать лет назад, снёс всё внутреннее, перестроил по собственным чертежам и провёл следующие два года, отделявая стены.

Не обоями. Не штукатуркой.

Он писал на них.

Первый этаж — анатомия. Стены гостиной, холла, кухни

и библиотеки были покрыты точными рисунками органов, мышц, костей и нервных сплетений, выполненными чёрным по серому, с латинскими подписями и цифрами — размеры в миллиметрах, весовые характеристики в граммах, функциональные описания. Сердце взрослого мужчины весит около трёхсот граммов. Его насос перекачивает примерно семь тысяч литров крови в сутки. Этот факт был написан под точным изображением сердца на стене над камином, и Виктор иногда садился перед камином и смотрел на него так, как другие смотрят на пейзажи.

Второй этаж — космология. Спальня, ванная, два кабинета. Здесь стены были чёрные, а на них — белыми линиями, тонкими и точными — карты звёздных систем. Созвездие Ориона с точными расстояниями до каждой звезды в световых годах. Система Проксимы Центавра — 4,24 световых года, самая ближняя к Солнцу. Плутон: 5 900 000 000 километров от Солнца в афелии. Нептун с тринадцатью спутниками, Тритон с его ретроградной орбитой — он движется навстречу вращению планеты-хозяина, что означает: когда-то он был захвачен извне, он не принадлежит этой системе, он пришёл из-за пределов.

Виктор находил в Тритоне что-то родственное.

Третий этаж был закрыт. Элара туда не ходила — не по-

тому что боялась, а потому что так было договорено. У каждого есть пространство, которое только его.

Они жили в этом доме вместе пять лет, и это была, по всем объективным меркам, счастливая совместная жизнь.

II.

Утро Виктора Лангера начиналось в шесть часов двадцать минут — он никогда не менял это время, считая постоянство ритма основой когнитивной ясности — с двадцати минут медитации, которая была, по его собственному определению, «инвентаризацией тела»: он последовательно перебирал каждую систему, каждую мышечную группу, каждый сустав, проверял их статус и отпускал. Не йога, не буддизм. Скорее — чек-лист перед полётом.

Потом — душ. Двенадцать минут, температура воды тридцать семь градусов — не горячая, не холодная, температура человеческой крови. Виктор выбрал именно её много лет назад и не изменял.

Потом — завтрак.

Элара к этому времени уже сидела на кухне в длинном

шёлковом халате, который был цвета холодного пепла — она избегала ярких цветов по утрам, говорила, что они создают когнитивный шум — и читала что-то на планшете. Она читала всегда и везде. Книги по истории искусства, монографии, исследования, иногда — старые судебные дела, которые изучала с тем же спокойным вниманием, с каким другие читают криминальные романы.

— Доброе утро, — говорил Виктор.

— Доброе, — отвечала Элара, не поднимая глаз.

Это был их стандартный обмен. Они давно миновали стадию, когда нужно заполнять тишину словами.

Виктор готовил завтрак сам — он был превосходным поваром, это было его второй профессией после анатомии и философии. Сегодня — тонко нарезанные ломтики с поджаренными ломтиками ржаного хлеба, каперсы, ломтик лимона. Для Элара — то же самое, но с чуть другим соусом, который она предпочитала: с зелёным луком и щепоткой мускатного ореха.

— Что читаешь? — спросил он, ставя перед ней тарелку.

— Историю суда над Эйхманом. — Она наконец подняла

взгляд. У неё были очень светлые глаза — почти прозрачные, серо-голубые, с тёмным ободком радужки, которые всегда казались смотрящими немного мимо собеседника — не из невнимания, а из привычки видеть за поверхностью. — Банальность зла. Аренд была права в сути, но ошиблась в деталях.

— В каких именно?

— Эйхман не был банален. Он был функционален. Это другое. Банальный человек не думает. Функциональный — думает, но только о задаче. Он сузил горизонт намеренно.

Виктор сел напротив и взял кофе.

— Самоампутация сознания, — сказал он.

— Именно. — Она откусила кусочек. — Это в каком-то смысле противоположность тебе.

Он улыбнулся. У Виктора Лангера была красивая улыбка — спокойная, симметричная, без избыточного усилия. Такая улыбка бывает у людей, которым не нужно ничего добиваться своим выражением лица.

— В каком смысле ты имеешь в виду? — спросил он.

— Ты расширяешь горизонт. Видишь всё. — Она отложила планшет. — Включая то, что большинство людей предпочитает не видеть.

За окном кухни был сосновый лес. Апрельские деревья стояли неподвижно в сером утреннем воздухе. Снег ещё не сошёл полностью — он лежал между корнями тонкими пятнами, как бинты на ране, которая почти зажила.

Виктор посмотрел в окно.

— Сегодня вечером я, возможно, задержусь, — сказал он.

Элара кивнула. Она всегда кивала именно так — один раз, коротко, без вопросов. За пять лет она ни разу не спросила: где? С кем? Зачем? Это было частью их соглашения, которое они никогда не формулировали вслух, потому что оно возникло само собой из взаимного понимания.

— Я сделаю ужин, — сказала она. — На завтра. Сегодня вечером не жди меня, я еду к Марианне.

Марианна была её подругой — куратор галереи, острая, саркастичная женщина, с которой Элара дружила ещё с университета. Марианна не знала о Викторе ничего, кроме того,

что он учёный и очень красивый мужчина. Этого ей хватало.

— Что привезёшь? — спросил Виктор.

— Вино. Сыр. — Лёгкая пауза. — И то, что осталось от прошлого раза. Она сказала, что хочет ещё.

Прошлый раз — два месяца назад. Карпаччо из чего-то, что Марианна приняла за молодого телёнка высшего качества и долго хвалила нежность волокна.

Виктор допил кофе.

— Я приготовлю что-то новое, — сказал он. — Сегодня вечером как раз будет материал.

III.

Рабочий кабинет Виктора занимал почти весь первый этаж южного крыла. Огромный дубовый стол с идеально чистой поверхностью. Два монитора. Стеллажи от пола до потолка — книги в строгом порядке: анатомические атласы, хирургические руководства, философские тексты от досократиков до современников, астрофизика, биохимия, несколько сотен медицинских журналов в твёрдых переплё-

тах.

На отдельной полке — то, что он называл «эстетическим архивом»: изображения, распечатанные и помещённые в прозрачные файлы. Рембрандт. «Урок анатомии доктора Тулпа». Леонардо. Анатомические рисунки. Фотографии операционных полей — хирургические снимки без пациентов, только ткани, открытые, освещённые операционным светом, красно-розово-белые в своей абсолютной честности. Несколько работ Гюнтера фон Хагенса — пластилированные тела, разрезанные и развёрнутые, как учебники.

Это Виктор называл красотой. Не метафорически.

Он открыл верхний ящик стола и вынул папку. В папке — листы, распечатанные с собственной базы данных. Фотографии, сделанные в разное время, с разных дистанций. Имя, возраст, профессия. Краткое досье.

Игорь Семёнов. Сорок один год. Владелец сети точек быстрого питания. Известен среди сотрудников систематическими задержками зарплаты, штрафами по выдуманным поводам, угрозами увольнения. Двое сотрудников из-за него потеряли работу без выходного пособия — один из них, двадцатидвухлетний парень из области, после этого провёл три месяца без денег и жилья. В частной жизни — насилие в се-

мье, зафиксированное полицией дважды, но никогда не доведённое до суда. Жена ушла. Дочь не разговаривает с отцом с шестнадцати лет.

Виктор закрыл папку и сложил руки перед собой.

Он не чувствовал ненависти к Игорю Семёнову. Это было важно понять правильно. Не ненависть, не праведный гнев, не желание наказать. Семёнов был просто — материалом с определёнными характеристиками. Он причинил достаточно вреда, чтобы его отсутствие в мире стало нейтральным событием. Никто из тех, кто его знал хорошо, не почувствует настоящей утраты. Те, кто будет делать вид — соседи, деловые партнёры — будут делать это из ритуальных соображений, не из горя.

А тело его было интересным. Сорок один год, склонность к гиподинамии — судя по фотографиям, начинающееся абдоминальное ожирение. Интересно посмотреть на состояние висцерального жира, на степень атеросклероза. Это был живой учебник по тому, что происходит с телом, которое плохо обращается с собой.

Виктор открыл новый лист в блокноте и написал в верхнем правом углу: «четверг, 22:00».

Потом начал делать заметки.

IV.

Элара Вест — она сохранила фамилию матери, немецкую, хотя мать умерла давно — работала искусствоведом. Написала три книги о северном барокко, одну о малых голландцах, одну о современном европейском концептуализме. Преподавала в университете два раза в неделю. Консультировала несколько частных коллекционеров.

Это была её внешняя жизнь, аккуратная и понятная.

Внутренняя жизнь была сложнее.

Элара помнила очень точно момент, когда узнала о Викторе правду. Это было на третий месяц их отношений. Они ехали ночью из ресторана — он вёл машину, она смотрела в окно на мокрый асфальт — и он сказал это тем же тоном, каким мог бы сказать что угодно. Без предисловия, без особой интонации. Просто — сказал.

Она помолчала долго. Потом спросила: «Зачем?»

Он ответил: «Потому что это красиво. Потому что больше

нигде это не получается узнать так близко».

Она снова помолчала.

Потом спросила: «Кто?»

Он ответил кратко. Описал характеристику — не человека, а именно характеристику. То, что сделало этого человека подходящим.

Элара посмотрела на его профиль в темноте. На то, как спокойно лежат его руки на руле. На прямую линию его носа. На то, что он не смотрел на неё с тревогой — не проверял её реакцию, не объяснял, не оправдывался. Он просто сказал.

— Мне нужно время подумать, — сказала она наконец.

— Разумеется, — ответил он.

Она думала три дня. Потом сказала: «Я остаюсь».

Это была не слабость. Элара была человеком редкого типа — из тех, кто не конструирует свою моральную систему из чужих правил, а медленно, самостоятельно, с большим трудом — создаёт её из того, что наблюдает. Она понимала: Виктор не был тем, что называется чудовищем в популяр-

ном смысле. Чудовища причиняют вред бессмысленно, из хаоса, из неспособности контролировать себя. Виктор был абсолютно в контроле. Абсолютно сознателен. Его выборы были выборами.

Это было страшнее чудовища. И одновременно — менее страшно. Потому что в контроле есть предсказуемость. А предсказуемость — это основа безопасности.

Кроме того, он был с ней нежен. Это тоже имело значение.

Что касается другого — мяса — это было её собственное решение, возникшее позже, постепенно. Она никогда не была любительницей животных убивать: не ела курицу с детства после того, как увидела птицефабрику, позже отказалась от говядины, потом от рыбы. Её аргумент всегда был эстетическим, а не моральным: она не хотела участвовать в цепи страдания существ, которые ни в чём не виноваты.

Когда Виктор однажды приготовил что-то и сказал ей правду о составе — не скрывая, не приукрашивая — она сидела тихо, потом спросила: «Откуда?»

Он объяснил. Кратко.

Она подумала. Потом сказала: «Это другое».

Это действительно было другое. Живот животного не несёт ответственности. Человек, которого выбирал Виктор — нёс. Это была, при всей её странности, последовательная этическая позиция.

Больше к этому вопросу они не возвращались.

Элара ела. Находила в этом — при всей её рациональности — что-то странно успокоительное. Как будто очень давний, забытый порядок вещей восстанавливался.

V.

У Виктора Лангера было медицинское образование — он закончил один из лучших хирургических факультетов страны, потом прошёл специализацию по абдоминальной хирургии, потом три года работал оперирующим хирургом в городской больнице. Потом оставил. Не из-за конфликта, не из-за выгорания — из-за скуки. Операции стали повторяться. Он видел одно и то же снова и снова. Желчный пузырь. Аппендикс. Резекция. Анастомоз. Одни и те же движения, одна и та же техника. Руки его были превосходны — коллеги говорили, что таких рук в хирургии почти нет. Инструмент слушался его абсолютно. Но это было как играть сонату

Бетховена пятьсот раз подряд — мастерство остаётся, смысл уходит.

Он ушёл и занялся частной практикой — консультации, медицинские экспертизы, написание методических пособий. Это приносило достаточно денег и требовало достаточно мало времени.

Основным занятием стала другое.

Он называл это «прикладной анатомией». Это не было патологией — в том смысле, в каком патологию понимают психиатры. Он прошёл достаточно тестов и знал их хорошо. В нём не было диссоциации, не было импульсивности, не было аффективных расстройств. Он был — спокоен. Функционален. Ориентирован на настоящее. Отношения строил устойчивые. Привязанности — реальные.

Просто — разделка человеческого тела была для него тем, чем для другого человека могла быть игра на скрипке или решение сложных уравнений. Состоянием потока. Абсолютной концентрацией, в которой внешний мир переставал существовать и оставалась только задача. Задача и руки. И инструмент.

Этот опыт был — эстетическим.

Виктор не мог объяснить его тем, кому объяснять не нужно было. А тем, кому нужно — не хотел.

VI.

На третьем этаже особняка находилось то, что Виктор называл «лабораторией» — хотя это слово не совсем точно передавало характер помещения. Скорее — мастерская. Или студия.

Стены здесь тоже были покрыты текстом и рисунками — но уже его собственными рабочими заметками, написанными прямо на штукатурке: схемы, таблицы, наблюдения. Некоторые из них датировались семью-восемью годами назад, другие — совсем свежие, ещё в синих чернилах, которые не успели потемнеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.